

УДК 271.2:27-725(470.2)

**СТАВЛЕННИЧЕСКОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

Статья посвящена проблемам исследования ставленнического делопроизводства в Олонецкой епархии на основании изучения значительного массива документов духовной консистории. Выявлено, что делопроизводство в указанной сфере находилось под воздействием приходских традиций, часто меняющихся норм, принятых в духовных консисториях, и общероссийского церковного законодательства. Основная тенденция развития ставленнического делопроизводства заключалась в нарастании количества требований, предъявляемых к приходскому духовенству, при одновременном исключении из состава необходимых документов свидетельств об избрании священников прихожанами.

Ключевые слова: Церковь, духовенство, миряне, делопроизводство, документы, Христианство, Православие, приход, выборы.

**THE OFFICE WORK FOR ORDINATION
IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES
(BY THE MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The article discusses problems of the office work for ordination studying in the Olonets diocese based on the researching of a significant array of Spiritual Consistory papers. It was revealed that office work in this area was under the influence of parish traditions, frequently changing norms adopted in Spiritual Consistories and all-Russian Church legislation. The main trend in the development of the office work for ordination was to increase the number of demands placed on the parish clergy, while at the same time excluding from the necessary documents certificates of priests elections by parishioners.

Keywords: Church, clergy, laity, office work, documents, Christianity, Orthodoxy, parish, elections.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации» (номер государственной регистрации 121070700117-1).

Заполнение вакансий при приходских церквях оставалось одной из наиболее непростых забот прихожан, которые в сотрудничестве с духовной консисторией обязывались подбирать наиболее достойных кандидатов на должности в клире. Проблема изучения возникающего при этом ставленнического делопроизводства – сложного комплекса документов, являющего результатом и наиболее полным отражением совместных усилий чиновников и крестьян, – неоднократно становилась предметом рассмотрения исследователей [15, с. 46-63; 33, с. 80-88; 16, с. 240-255]. Однако до настоящего времени отсутствуют работы, отражающие ситуацию на Европейском Севере России и, в частности, в Олонецкой епархии.

Задача данной статьи заключается в рассмотрении проблемы документального обеспечения рукоположения приходского духовенства на основе сохранившихся комплексов документов, получивших в науке название ставленническое делопроизводство.

Ставленническое дело представляло собой комплекс разнородных документов и выдержек из них. Во-первых, оно в качестве важного компонента содержит «выбор» от прихожан, остававшийся в течение всего XVIII в. неотъемлемой частью делопроизводства. В начале XIX в. «выбор» исчезает. Во-вторых, выписки из метрических книг и отписки руководителей церковных округов, так называемых заказчиков, о регулярном «бытии» ставленников на исповеди. В-третьих, в деле содержались отметки о результатах экзамена и

(значительно реже) о способах самостоятельного восполнения пробелов в образовании. Эта часть ставленнического делопроизводства позволяет судить не только о способах подготовки священно- и церковнослужителей, но и, если анализировать всю совокупность источников, о значении образования по сравнению со всеми прочими факторами (отношениями с прихожанами, наличием у ставленника родственников в том приходе, куда ему предстояло отправиться на службу, обеспечением клириков пропитанием и жилищем). Следующая (четвертая) часть ставленнического делопроизводства является выпиской из указа духовной консистории о «произведении» на должность или об отказе в «произведении».

Наиболее важным для исследователя элементом здесь является указание на причины отрицательного решения. Отказ в рукоположении мог быть вызван как недостаточностью профессиональной подготовки ставленника, так и причинами, обескураживающими прихожан: нищенским обеспечением клириков, установленным по решению мирян на приходе. Пятая часть комплекса документов ставленнического делопроизводства – так называемые ставленнические грамоты – в делах встречается крайне редко. Их появление связано с получением духовным лицом нового сана. Начиная с середины XIX в. в ставленническом делопроизводстве появляются «отпуска», разрешающие претендентам на должности в составе клира переход из светского в духовное сословие, а также материалы учета образовательного ценза (свидетельства об окончании семинарии).

Избрание духовенства, согласно «Духовному регламенту» оставалось значимой привилегией, обязанностью и правом прихожан вплоть до отмены этого важного преимущества мирян в конце XVIII в. Оформление факта избрания происходило путем составления «выбора» и сбора подписей к нему со всех «приходских людей». Значение «выбора» в XVIII в. оставалось стабильно высоким: он определенно являлся неотъемлемой частью ставленнического делопроизводства. В то же время ставленническое делопроизводство включало как документы, подготовленные в приходах самими мирянами, так и сведения

из архива консистории. Поломать демократические основы заполнения церковных вакансий оказалось нелегко. Авторитетной законодательной базой для составителей «выборов» стал Духовный регламент [11, с. 95]. Но формулировки, содержащиеся в нем и изобретенные в свое время архиепископом Феофаном Прокоповичем, не проникли в крестьянскую среду. Прихожане никогда не информировали Синод о том, является ли предлагаемый ими кандидат «любодейцем» или «бийцей» (т.е. тем, кто бьет, склонным к дракам человеком). Они писали «выбор» исходя из собственных принципов составления документов, сложившихся в той или иной местности.

Сущность «выбора» двойственна: он включал в разных пропорциях как мирские, так и собственно церковные черты. Приходское делопроизводство явным образом сближало священно- и церковнослужителей с выборными должностными лицами сельской общины. Большинство «выборов», выданных кандидатам на должности в составе клира, полностью соответствуют формулировкам «мирского» делопроизводства. Такой подход вполне объясним. «В древности, – пишет П.В. Знаменский, – вполне сформировался взгляд на членов приходского клира как на земских выборных людей» [14, с. 48]. Приведем два характерных примера. В 1754 г. прихожане церкви Богоявления Господня Оштинского погоста составили следующий «выбор»: «... мы, нижайшие, с общего в нас согласия, на вышеозначенное дьяческое место выбрали тое ж церкви попова сына Савву Иванова, понеже он человек доброго состояния, в книжном чтении искусен, в подушный платеж не положен» [6, л. 19].

В 1795 г. аналогичный документ в адрес епископа Архангельского и Олонецкого Вениамина составлен в Лычноостровском приходе Петрозаводского уезда прихожанами церкви Петра и Павла. В «выборе» говорилось: «мы, нижеподписавшиеся, с общего в нас согласия, ко упоминаемой нашей приходской церкви на праздное пономарское место в пономари избрали прописанного умершего пономаря Адриана Павлова сына ево Ефима, который жития и поведения доброго, и никакой за ним к

непроизведению причины не имеется, и к церковной службе подвижен, при означенной церкви пономарем быть желает» [5, л. 2]. Приведем для сравнения несколько «выборов» «мирских» должностных лиц, никак не связанных с церковными делами. Крестьяне Олонецкого погоста избрали в 1755 г. «для исправления во оном погосте в разных местах мостов» крестьянина Данилу Ефимова. В «выборе» «мирские люди» указывали: «наш вновь выбранный крестьянин Ефимов – человек доброй, прожиточной и неподозрительной, и оное дело исправить может, к чему и подписуемся» [7, л. 2]. Аналогичных характеристик «удостоили» в 1760 г. вновь выбранного старосту Родиона Петрова крестьяне Лоянской волости Пиркинского погоста. В прошении, адресованном архимандриту Александро-Свирского монастыря, крестьяне писали: «человек он доброй и оную должность исправлять может» [22, л. 3].

В течение второй половины XVIII – начала XX вв. в ставленническом делопроизводстве постепенно появляются новые элементы, связанные с изменившимися требованиями духовных консисторий. Нами выявлены четыре этапа процесса внесения инноваций в делопроизводство. Каждый из них обусловлен происходящим в России радикальным изменением церковного административно-территориального деления. С одной стороны, консистории не могли руководствоваться только Духовным регламентом и Уставом консисторий, в которых содержались лишь краткие указания о порядке избрания и рукоположения духовенства. С другой стороны, крестьяне подходили к кандидатам на священно- и церковнослужительские должности с собственными вполне поддающимися изучению мерками, выработанными на местах.

Первый период связан с деятельностью новгородских духовных властей. Олонецкая епархия до обретения самостоятельности в 1764 г. входила в состав епархии Новгородской и Великолуцкой. Новгородская духовная консистория добивалась указания в «выборах» времени крещения будущего служителя Церкви «в православную веру», запрашивала сведения о его семейном положении (требовалось, чтобы кандидат являлся «первоженцем на девке»).

Прихожане сообщали консистории о том, имеет ли он «сомнение в содержании православной веры», бывает ли на исповеди. Надлежало выяснить, где ставленник находился «от рождения своего до возраста», есть ли в приходе «раскольнические учителя или потаенные раскольники», гарантировано ли стабильное обеспечение клира, не положен ли будущий священник в подушный оклад. Документ, в котором оговаривались требования, нами не обнаружен, но все «выборы» первого периода однотипны и легко отличимые. Остается неясным: получали ли прихожане соответствующие указания или узнавали о требованиях консистории из собственного горького опыта. Последний из перечисленных критериев (запись в подушный оклад) наиболее специфичен для первой половины XVIII в., когда запись выходцев из податных сословий в духовенство сохранялась.

Дел такого рода немного. Как пишет Б.Н. Миронов, «вступить в ряды духовенства из крестьянства и посадских было непросто». Во-первых, грамотность и глубокое знание церковных обрядов не были распространены за пределами духовного сословия. Во-вторых, приходские общины «не желали выбирать духовных лиц из своей среды», поскольку в условиях действия круговой поруки за них приходилось платить налоги [17, с. 99]. По данным протоколов Олонецкой воеводской канцелярии в 1754 г. выбранный «в попа из крестьян» прихожанами церкви Николая чудотворца Согинской выставки Федор Гаврилов «подал челобитье об увольнении ево за обязательством мирских людей от платежа подушных денег». Олонецкая воеводская канцелярия направила указ «соцкому» Важенского погоста и велела «собрать всех мирских людей, коими изследовать»: в самом ли деле Гаврилов «выбран в попа», и будут ли крестьяне вносить за него деньги до следующей ревизии [34, л. 199].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют выяснить, насколько типична такая ситуация, как изменялся «выбор», если речь в нем шла не о представителе духовного сословия, а о крестьянине. Факт избрания на должность кандидата, не являющегося представителем духовного сословия,

косвенно свидетельствует об осязаемой нехватке священно- и церковнослужителей в Олонецкой епархии. Во-первых, избрание крестьянина и, значит, потеря налогоплательщика, при существовании круговой поруки становилась накладным для «мира» явлением. Во-вторых, в соответствии с законодательством, переход крестьянина в духовное сословие в то время разрешался только при отсутствии конкурентов из духовной среды [13, с. 46].

На втором этапе, после 1764 г. – времени образования Олонецкой епархии – формуляр «выборов» заметно упрощается. Прихожане в произвольной форме указывали достоинства кандидата на должность в составе клира и заявляли епископу о готовности «наградить» будущего священника ругой после рукоположения. Причины такой простоты сложны и разнообразны. Во-первых, в Олонецкой духовной консистории отсутствовал многолетний опыт ведения ставленнических дел. Такой опыт, напротив, имелся в консисториях Новгородской или Архангельской. Во-вторых, ослабление контроля связано с разнообразными «неустройствами» в деятельности органов церковного управления в Олонецкой епархии и, прежде всего, с частой сменой епископов, о чем красноречиво говорят исследования истории церковной иерархии [1, с. 198, 325, 367, 469]. Косвенно о явном беспорядке в управлении свидетельствует отсутствие нормального архива в консистории. Делопроизводственные документы валялись, как видно из доношения местного канцеляриста обер-прокурору Синода, прямо на полу [10, л. 2].

Единственным новшеством второго этапа помимо частичного упразднения прежнего порядка стала обязательность подписей членов клира того прихода, в который направлялся ставленник. Прежде в «выборе» имелись только «руки» (подписи) прихожан. Отныне все «выборы» содержали подписи местного духовенства. Отсутствие священно- и церковнослужительских автографов на документах, составленных «приходскими людьми», епископ считал веским основанием для отказа. Клир Богоявленской церкви Оштинского погоста «репортовал» в Синод: «мы к данному от приходских людей оной церкви пономарю Гавриилу Нестерову на праздное дьяческое место выбору в

силу указов рук не приложили». Священники «<...> выбора у него совсем никакого не видали, который якобы ему от приходских людей был дан, никогда нам не показывал». Попытки подготовить необходимые для занятия должности документы предпринимались: «подлинно упоминаемый пономарь сыну своему выбор збирал и к тому выбору их, мирских людей, подписаться просил». Сын пономаря-обманщика, как видно из указа консистории, лишился места [28, л. 2, б]. Забегая вперед, отметим, что такой же порядок сохранялся длительное время. В 1795 г. епископ Олонецкий и Архангельский, как видно из указа консистории, распорядился отказать в просьбе священнику Григорию Лаврентьеву «с приходскими людьми», которые просили о рукоположении «во дьячка» Алексея Григорьева. Причиной послужило отсутствие подписей второго священника и прочих причетников [35, л. 7]. Нетрудно догадаться, что нововведение ограничивало права прихожан. Отныне священно- и церковнослужители получали равные с ними полномочия и могли эффективно контролировать назначение клириков. Важно также отметить, что такой порядок полностью противоречил Духовному регламенту и вообще являлся нарушением действующих законов.

Третий этап начался после объединения Олонецкой и Архангельской епархий. Ставленническое делопроизводство вновь претерпело изменения. Получив от прихожан «выбор», консистория составляла «справку». В ней указывалось положение просителя на момент составления ревизских сказок, для чего использовались хранящиеся в архиве данные последнего «разбора» духовенства. Духовник, т.е. духовник, в обязанности которого входило исповедование священно- и церковнослужителей, отныне обязывался указывать в специальной «рописи», что будущий клирик исправно посещал исповедника. В архиве консистории разыскивались негативные сведения – «дела и подозрения», препятствующие «к производству». Привлекались сведения о штатах духовенства в приходе с указанием числа наличных служителей церкви, приходских дворов, а также размеров пахотной земли, сенокоса, руги, предназначенных духовенству. Кандидат на должность в

составе клира расписывался в том, что ему известен опубликованный в 1767 г. указ «О неподавании помещичьим людям и крестьянам челобитен». Священники, в том числе и олонецкие, были неоднократно замечены в пособничестве крестьянам в составлении жалоб.

Значение «выбора» понижалось: он просто тонул в огромном ворохе бумаг. И все же важнейший приходской документ сохранял свое значение до конца XVIII столетия. Доказательством помимо приведенных выше резолюций епископа могут послужить дела о «ложных выборах». Проблема «ложносочиненного выбора» не ограничивалась простой подделкой мирских документов. Фактически речь шла о попытках духовенства обойти «мирские» порядки и добиться права единолично решать вопросы, связанные с формированием клира. Механизм фальсификаций представляется несложным. Описания подобного рода деяний проникали в делопроизводство. Крестьяне Верхогурьевской волости Каргопольского уезда доносили в 1795 г. епископу, что местный пономарь Михайло Иванов, «сообщась с родственники своими, а иных уважа угощением, взявши выбор только от них, а не от всево общества, предпринял намерение просить Вашего Преосвященства посвящения во дьякона» [21, л. 6]. Следствием крестьянского прошения, как видно из резолюции епископа, стал отказ пономарю [29, л. 9].

Подделка «выбора» оставалась простым делом, поскольку за всех «приходских людей» расписывались немногие грамотные крестьяне. Выяснить, на самом ли деле подписи поставлены «по прошению» тех, чьи имена значились в конце «выбора» или документ «фальшивосочиненный», оказывалось невозможно. Обнаружение подделок объясняется тем, что крестьянам не было безразлично, кто именно займет ту или иную должность в составе клира их церкви, а епископ считался с правами прихожан и по мере сил старался блюсти их интересы. Все случаи подделки «выбора» имеют один исход: жалоба крестьян и резкая резолюция епископа, устраняющая грубую ошибку – направление в приход ставленника без учета мнений прихожан. В 1795 г. крестьяне Горского прихода обратились к епископу с просьбой «от

определения по фальшивосочиненному выбору Задне-Никифоровской пустыни священника Петра Иосифова отставить, а произвести в их Горский приход во священника одного прихода пономаря Петра Гусева, избранного всеми единогласно» [25, л. 6]. Епископ, как видно из резолюции, решил дело в пользу крестьян [30, л. 11].

Эволюция ставленнического делопроизводства привела к расширению прав епископа, консистории и клира. Но за прихожанами до конца XVIII в. оставалось решающее слово. Тем более красноречива статистика заполнения вакансий при церквях Олонецкой епархии. По данным «разбора» духовенства, проведенного в Олонецком уезде, как и по всей России, в 1755 г., количество вакантных мест при церквях составило 170, в том числе «поповских» – 32, дьяконских – 22, дьячковских – 56, пономарских – 60. Из 119 церквей только в 4 имелся полный (без вакансий) штат духовенства. В то же время на территории епархии находилось 11 церквей, в которых отсутствовали 3 или более священно- и церковнослужителя [4, л. 2-40]. Положение ненамного улучшилось в 1770-е гг. По данным ежегодно присылаемых в Синод ведомостей, количество «праздных» церквей в Олонецкой епархии составляло: в 1774 г. – 26, в 1775 – 32, в 1776 г. – 37, в 1779 – 44 [2, л. 5]. Значение термина «праздная церковь» остается неясным. Н.Д. Зольникова полагает, что в «праздной церкви» полностью отсутствовало духовенство, и не велись богослужения [12, с. 75]. Данные «разбора» клириков показывают, что церквей, в которых вообще не имелось духовенства, оставалось немного уже в 1750-х гг. Чаще всего в ведомостях консисторий упоминаются приходские церкви, в приходе которых штат духовенства не удалось полностью укомплектовать. Они, скорее всего, и считались «праздными». Едва ли все меры, принятые в течение двух десятилетий, далеко не самых бурных в истории Карелии, привели лишь к значительному росту числа священно- и церковнослужительских вакансий.

В следующем десятилетии произошли заметные улучшения. Сложившаяся в 1780-х гг. ситуация отражена в специальной ведомости о

незанятых священнических местах, составленной в 1788 г. в Олонецкой духовной консистории. Всего обнаружилось девять вакансий. В Петрозаводском уезде оставались свободными места при трех церквях: два с 1779 г. и одно с 1783 г. В Повенецком уезде отсутствовали священники при двух церквях: с 1786 г. в одной и с 1777 – в другой. В Пудожском уезде полноценное богослужение не велось в трех церквях, начиная с 1771, 1783 гг. и «с давних лет». Во всех случаях архиерей ссылался на недостаточное усердие прихожан в вопросах формирования клира: «а на место ево от прихожан никто во священника поныне не избран, и из саможелающих никто не явился» [3, л. 12018]. При всей незначительности числа вакантных мест необходимо заметить, что ситуация в Олонецкой епархии была уникальной. Чаще всего наблюдался явный избыток претендентов на места в составе клира, «масса излишних лиц», которые регулярно преследовали духовное начальство «своими докучливыми просьбами и жалобами на отсутствие мест» [31, с. 64].

В целом можно утверждать, что вакансии при церквях заполнялись довольно быстро без ощутимого давления на прихожан со стороны епископа. Анализируя документы, необходимо учитывать, что понятия епископа и прихожан о вакантном месте при церкви могли не совпадать. Епископ считал место незанятым в том случае, если он не «произвел» никого в данный приход. Несколько иначе судили прихожане. Они вполне допускали, что в церкви могут служить и такие «причетники», которые не только не имеют «ставленной грамоты», но и заведомо не могут ее получить. Сельский староста Рыборецкой волости Петрозаводского уезда, составляя в 1799 г. список священно- и церковнослужителей, простодушно включил в него пономарского сына Макара Евсеева, «неопределенного, который исполняет пономарскую сию должность» [27, л. 32]. Длинный список ставленнических дел показывает, что прихожане старались иметь в составе клира вполне законных, утвержденных духовной властью, священно- и церковнослужителей. Но приведенный выше пример отнюдь не единственный, он ставит исследователя в непростое положение. Ясно, что если крестьяне допускали к священнослужению тех лиц, которых не

рукоположил епископ, то отныне они переставали искать кандидатов на должность в клир своего прихода. Образовывалась вакансия, которая прослеживается по ведомостям, но которая, с точки зрения крестьян, не существовала.

В течение XVIII в. ставленническое делопроизводство претерпело заметные изменения. Его эволюция не случайна. Она связана с попыткой церковных властей смягчить категоричность требований Духовного регламента, который, как неоднократно подчеркивалось выше, предоставлял прихожанам значительные права. Но не следует преувеличивать эту тенденцию. Епископ подчеркивал, что за прихожанами остается решающее слово. Соответственно документ, известный под названием «выбор», оставался наиболее значимой частью комплекса документов ставленнического делопроизводства. Цель нововведений заключалась в том, чтобы не допустить грубых нарушений церковного законодательства: превышения норм, определенных штатами, «производства» священно- и церковнослужителей, не достигших «указных» лет, и пр. Постоянно изменяющиеся «выборы» сохраняли генетически обусловленное сходство со своими двойниками – «выборами» «мирскими».

Четвертый период начался в 1799 г. и связан с отменой приходских выборов духовенства, когда документы, подтверждающие факт избрания, полностью исчезают. Решающее слово теперь получила духовная консистория. Она всецело руководствовалась данными собственного архива и могла не обращать никакого внимания на волю прихожан. По законам, определяющим рукоположение духовенства, решающую роль здесь играл епархиальный архиерей, которому Устав духовных консисторий предписывал обстоятельно «удостовериться в достоинстве ищущего посвящения». Сбор сведений о претендентах на места в составе клира возлагался на духовную консисторию. Она должна была располагать данными о каждом ищущем места кандидате, а также обо всех тех проблемах, которые возникали при рукоположении (размеры жалованья, наличие дома для причта, число старообрядцев в

приходе). Добавление новых штатных единиц в состав «наличного причта» следовало согласовывать с прихожанами [37, с. 17-18]. Консистории предписывалось всегда иметь полный список вакансий при церквях, «который должен быть открыт для кандидатов» [37, с. 18]. С тех пор в материалах делопроизводства крайне редко встречаются упоминания о том, что епископы и духовные консистории учитывали мнение прихожан. В 1814 г. Новгородская духовная консистория, в чьем ведении краткое время находилась значительная часть территории упраздненной Олонецкой епархии, согласилась с настойчивыми просьбами прихожан Предтеченской церкви города Каргополя и выдала указ о переводе на священническую должность тому кандидату, который оказался угоден прихожанам. В журнале консистории прямо указывалось на проявленную мирянами инициативу «снизу»: «во уважение просьбы церковного старосты и приходских людей» [8, л. 9].

Начало XIX в. характеризуется предельным упрощением ставленнических дел. Отныне духовная консистория освободилась от обязанности вести трудные и непредсказуемые переговоры с прихожанами о кандидатурах тех или иных священно- и церковнослужителей и могла действовать по собственному усмотрению. Последний известный нам документ, содержащий решение прихожан, под названием «одобрение», составлен в мае 1802 г., вскоре после законодательной отмены выборов духовенства по всей России. Вероятно, прихожане по инерции продолжали пытаться участвовать в избрании духовенства, хотя по закону составленный ими документ не имел никакой юридической силы. Так крестьяне Ухотского прихода сообщали консистории, что на место больного дьячка «с общего согласия избрали его дьячкова сына Григория Егорова». О нем прихожане отзывались лестно: «свидетельствуем, что он состояния доброго, не пьяница, в домостроительстве не ленивый». Верующие просили епископа уволить престарелого дьячка, а его сына «действительным дьячком произвести» [18, л. 1], что и было исполнено владыкой.

В целом с начала XIX в. ситуация в сфере формирования клира резко изменилась. Ставленнические дела сохранились в значительном количестве. Они показывают, что консистория приняла на себя основной груз ответственности за подбор духовенства. Прихожане окончательно отошли на задний план: к их мнению, по крайней мере, официально более не прислушивались. В 1847 г. пономарь Сязозерского погоста Иван Попов обратился к епископу Венедикту с просьбой определить на место умершего отца, священника Ундозерского прихода, «кого-либо из окончивших курс в минувшем учебном году» при условии «взятия в замужество» его сестры Евдокии [24, л. 1]. О вакансии узнал священник Казанской пустыни Петр Ильинский. Он жаловался епископу на приближающуюся старость и незначительность доходов как от земли, так и от прихожан: «лета мои уходят и силы слабеют, надежды никакой к пропитанию и поддержанию себя и семейства своего не предвижу». Решение проблемы иерей видел в перемещении на более доходное место. Духовное начальство не вняло просьбам обоих претендентов. На место ундозерского священника оно определило дьякона Лекшмозерского погоста Василия Рождественского, которого вызвали в консисторию и расспросили о некоторых интересующих начальство подробностях его жизни.

Как оказалось, претендент на должность священника не записан в подушный оклад, обучался необходимым для богослужения наукам у своего отца, а затем в Каргопольском духовном училище. Он не подвержен «падучей болезни» (эпилепсии) и «душевной скорби» (психическому заболеванию). В случае рукоположения в Ундозерский приход «сим доволен будет и других мест без особенного дозволения начальства сам собою приискивать и тем наносить утруднения не будет». Будущий священник обязывался «должность исправлять прилежно, тщательно, жить честно, трезво», «платье и обувь носить будет приличное духовному сану, а не светское». Образовательный уровень претендента на должность оказался достаточным: «катехизис, таинства знает, по нотам читать и петь умеет, поучения прихожанам читать и их поучать

станет». Будущий священник обязывался не участвовать в крестьянских волнениях, следить за соблюдением требований закона при заключении браков, а также доносить начальству о появлении в его приходе «таящихся» старообрядцев [20, л. 14].

Далее консистория составила «справку», содержащую подробные сведения о приходе, в который предполагалось направить новоявленного священника, прежде всего, данные о приходском храме. Местная церковь была построена в 1668 г. «тщанием прихожан», «крепкая, кроме крыши», колокольни рядом с ней нет и «колокола повешены на крыльце», «утварью достаточна, а книг мало». К церкви приписаны две часовни, обе построены «неизвестно когда». В составе причта по штату должны находиться один священник и дьячок. Такое состояние прихода вполне позволяло рукоположить Василия Рождественского. Местному благочинному консистория отправила указ: «ввести новопроизведенного в должность по надлежащему и распорядиться о сдаче и принятии церковного имущества и сумм по описям и документам» [36, с. 26]. Сходный порядок ставленнического делопроизводства сохранялся на протяжении всего XIX – начала XX вв.

Материалы XIX в. показывают, что конфликты духовенства и прихожан, как и в предшествующее столетие, приводили к отстранению неугодных прихожанам священников. В 1840-е гг. консистории пришлось столкнуться с непростой ситуацией в Волосовском приходе Каргопольского уезда. Там значительная часть прихожан поставила свои подписи под прошением, обличающим местного священника в «излишних сборах» с прихожан, вымогательствах при исполнении треб и других предосудительных проступках [23, л. 1-3]. Епископ незамедлительно, до начала следствия, принял меры. Олонецкая консистория по резолюции преосвященного запретила волосовскому иерею священнослужение и ношение рясы и поручила каргопольскому духовному правлению немедленно назначить «благонадежного и неупустительного входящего священника из заштатных или действительных» [9, л. 4]. Началось следствие с опросом десятков местных прихожан –

свидетелей указанных в прошении событий, а также очные ставки между ними и священником. Продолжавшееся в течение года следствие довело священника до крайнего разорения, но решить вопрос о возвращении его на место служения не удалось [26, л. 142].

Некоторое количество вакантных мест сохранялось в Олонецкой епархии на протяжении всего исследуемого периода. Начало XX в. вовсе не является исключением. По данным за 1912 г. вакантными оставались священнические места в Вегорукском, Чаженском, Водлинском, Лексинском, Сяндемском, Замошском приходах, дьяческие – в Ребольском, Ошевенском и Плеском [32, с. 3]. Решение вопроса административным путем явно не стало панацеей. В такой обстановке Олонецкой духовной консистории довелось определенно высказаться по ставшему вновь весьма актуальным вопросу о выборах духовенства. Оказалось, что бремя власти стало для нее слишком тяжелым испытанием, а эффективность мер, принимаемых для заполнения вакансий при церквях, она подвергала сомнению. В 1906 г. был опубликован «Отзыв Олонецкой духовной консистории», являющийся поспешным ответом на телеграмму митрополита Петербургского и Ладожского Антония. В Отзыве говорилось о том, что приходской общине может быть предоставлен «выбор священника для себя из лиц с соответствующими богословскими познаниями, проверенными через экзамен в специальной богословской школе, если они не будут иметь аттестата о прохождении курса последней». При затруднениях «орган епархиального управления указывает на таковых, предоставляя общине полную возможность знать своего будущего пастыря и считать его своим избранником» [19, с. 208].

Длительный путь эволюции, пройденный приходом в XVIII – начале XX вв., особенно отчетливо прослеживается при изучении ставленнического делопроизводства. Необузданные страсти, предвыборное противостояние и борьба церковной власти и мирян вокруг заполнения вакансий постепенно уступали место рациональному подбору кандидатов на должности. В важнейшем для успешного протекания религиозной жизни процессе

заполнения вакансий основную роль стали играть образованность, «благоповедение», психическое и физическое здоровье будущего священника, а не умение любыми способами угодить потенциальным прихожанам. Тем не менее, за мирянами полностью сохранялись возможности влиять на поступки иерея, контролировать его повседневную жизнь. Они существовали благодаря консервативным, сохранившимся в почти неизменном виде со средневековья способам обеспечения духовенства.

Список литературы:

1. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. М.: При Синод. тип., 1807. Ч. 1. 643 с.

2. Ведомости о количестве «праздных» церквей в Олонецкой епархии // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 62. Д. 15. Л. 5, 12, 26, 27.

3. Ведомость о незанятых священнических местах, составленной в 1788 г. в Олонецкой духовной консистории // Государственный архив Архангельской области. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 844. Л. 12-18 об.

4. Ведомость «разбора» духовенства за 1755 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 547. Оп. 1. Д. 547. Л. 2-40.

5. «Выбор» от прихожан Лычноостровского прихода Петрозаводского уезда, прихожан церкви Петра и Павла // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/9. Л. 2.

6. «Выбор» от прихожан церкви Богоявления Господня Оштинского погоста // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 36. Д. 206. Л. 19.

7. «Выбор» от прихожан Олонецкого погоста // Российский государственный архив древних актов. Ф. 433. Оп. 1. Д. 207. Л. 2.

8. Выписка из журнала Новгородской духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 24/26. Л. 9.

9. Выписка из журнала Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 47/16. Л. 4.
10. Доношение канцеляриста Олонецкой духовной консистории обер-прокурору Синода // Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 1. Д. 605. Л. 2.
11. Духовный регламент Всесветлейшего Державнейшего Государя Петра Первого, Императора и Самодержжуа Всероссийского. М.: Синод. Тип., 1897. 196 с.
12. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 290 с.
13. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях Церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1981. 184 с.
14. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань: Университ. тип., 1873. 810 с.
15. Иванов О.И. Развитие архива Московской духовной консистории в первой половине в XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 46-63.
16. Иконников С.А. О некоторых аспектах правового положения приходского духовенства Православной Российской Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам центрально-черноземных губерний) // Научный диалог. 2019. № 4. С. 240-255.
17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 99.
18. «Одобрение» от прихожан // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 11/14. Л. 1.
19. Отзыв Олонецкой духовной консистории // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб.: Синод. тип., 1906. Ч. 3. С. 208.
20. Протокол, составленный в Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27/18. Л. 14.

21. Прошение крестьян Верхогурьевской волости Каргопольского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/3. Л. 6.
22. Прошение крестьян Лоянской волости архимандриту Александро-Свирского монастыря // Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 3. Оп. 1. Картон 26. Д. 2. Л. 3.
23. Прошение прихожан Волосовского прихода Каргопольского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 47/16. Л. 1-3.
24. Прошение пономаря Ивана Попова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27/18. Л. 1.
25. Прошение прихожан Горского прихода // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 153. Л. 6-6 об.
26. Прошение священника Волосовского прихода Каргопольского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 47/16. Л. 142.
27. Рапорт сельского старосты Рыборецкой волости Петрозаводского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 60. Оп. 3. Д. 1/2. Л. 32.
28. Рапорт Синоду клира Богоявленской церкви Оштинского погоста // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 62. Д. 192. л. 2, 6.
29. Резолюция епископа Олонецкого и Архангельского на прошение прихожан Верхогурьевской волости // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/3. Л. 9.
30. Резолюция епископа на прошение прихожан Горского прихода // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 153. Л. 11.
31. Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань: Типо-литогр. Императорскаго ун-та, 332, IX с.
32. Свободные места // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 3.
33. Спичак А.В. Хиротония и хиротесия. Законодательное регулирование назначения на должность священно- и церковнослужителей в XVIII–XX в. и

практика ставленного делопроизводства (на материалах государственного архива в г. Тобольске) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 80-88.

34. Указ Олонецкой воеводской канцелярии сотскому Важенского погоста // Российский государственный архив древних актов. Ф. 547. Оп. 1. Д. 376. Л. 199.

35. Указ Олонецкой духовной консистории об отказе в просьбе священнику Григорию Лаврентьеву «с приходскими людьми» // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 7.

36. Указ консистории правящему должность благочинного священнику Кенского монастыря // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27/18. Л. 26.

37. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство: Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Унив. тип., 1901. С. 5-64.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mypulkin@mail.ru.